

5) У беларускім ад’ектыве змяіны і яго англійскіх адпаведніках *snaky* (*serpentine*) утварыліся прыблізна тоесныя ментальныя значэнні пэяратыўнага характару: ‘каварны, злосны’, ‘of the supposed nature of a snake in showing coldness, venom, or cunning’ – ‘які па прыродзе змяі халодны, ядавіты або хітры’, ‘complex, cunning, or treacherous’ – ‘складаны, хітры або вераломны’: Гэты жудасны змяіны позірк [=які штосьці задумаў]. (Я. Маўр); Тым больш змяіны бляск у вачах князёўны шырыўся. (Я. Нёманскі); «О, мілы манашак», – са здзеклівай усмешкай, тонкай, змяінай, сказала жанчына. (В. Говар); Ах ты, паганец, змяіная твая душа! (Я. Колас); A *snaky* friend – Змяіны [=хітры] сябар; His charm was too subtle and serpentine for me – Яго абаяннае было для мяне занадта няўлоўным і змяіным [=складаным, хітрым]. (OALD).

Такім чынам, з 5 разгледжаных беларускіх адзінак, другасныя ментальныя ЛСВ засведчаны ў 5 беларускіх ад’ектывах, а ў англійскай мове з прадстаўленых 7 лексічных адзінак другасныя ментальныя ЛСВ утварыліся ў 6. Тоеснымі ці блізкімі па значэнні з’яўляюцца 4 ад’ектыўныя пары (жывёльны – *animal*, ваўчыны – *wolfish*, лісіны – *vulpine* / *foxy*, змяіны – *snaky* / *serpentine*). Семантычнай эквівалентнасці не засведчана ў англійскім прыметніку *canine*.

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В ПОЭЗИИ И. НАСИМИ

Рафиг Манаф оглу Новрузов (Баку, Азербайджан)
Гюльнар Фикрет гызы Новрузова (Баку, Азербайджан)

Поэзия великого азербайджанского поэта-философа XIV века Имадеддина Насими является достоянием не только средневековой восточной литературы, но по своей значимости входит в сокровищницу мировой литературы.

В настоящей статье делается попытка проанализировать любовную лирику Насими на предмет изображения образа женщины в контексте поэтики классической суфийской восточной поэзии.

Религиозно-философское течение хуруфизма относится к XIV–XV векам. Оно является одним из ответвлений суфизма. Базовую основу хуруфизма составляет учение пантеизма, то есть всё в своей сущности содержит божественное. Естественно, что среди всего материального человек как величайшее создание Бога занимает особое место. Другими словами, Бог объединяет в себе материальное и духовное. В первую очередь указанное сочетание относится к человеку. Человек как создание Бога соединен с Ним во всех ипостасях: содержательном, формальном, образном. Находясь с Ним в единении, таким образом, человек сам становится Истиной. Такова логика хуруфизма. Поэтому вполне понятно, что образ женщины, как божественное воплощение в земном понимании, как нельзя лучше отражает философию любви в хуруфизме. Наглядным примером этого может служить вся классическая восточная поэзия. Отсюда естественным является особый подбор языковых средств для выражения эмоционально-эстетического отношения к указанному образу [5].

Многие ученые прошлого и современности, считающие суфийскую концепцию речи отличительной от нормативной поэтики, создавали и обращались к словарям, фиксирующим суфийские значения слов. Наделенные божественным даром, знаком прикосновенности к миру тайн, как считают ученые, поэт суфий гениально владел словом, создавал семантическую неопределенность текста, который как бы состоял из двух самостоятельных текстов (поэтического, относящего к плану выражения; суфийского – к интерпретации содержания), стремясь к преодолению неизбежного дуализма и инерции повседневного языка и мышления. Следствием этого являются парадоксы экзегетического характера и антиномии.

Что же касается образного мышления суфийских поэтов, то оно укоренено в классической традиции, основано на коранических принципах. Так, в предисловии политическому сборнику «Тарджуман аль-ашуак» («Толкователь страстей») Ибн Араби пишет: «Я пользуюсь языком и формами выражения любовной лирики и при воспевании женщин, потому что души людские к ним привержены... Всякий образованный человек пользуется этим изысканным и уточненным языком...». Продолжая мысли стихами, он раскрывает свой метод: Всякий раз, когда я упоминаю развалины жилищ или покинутые стоянки... / Или дев с круглыми персями, как солнце, и выпуклыми сосками, как изваяние, / Всякий раз, когда я упоминаю то, что уже хорошо известно, или что-то сходное / Вам следует понимать это как божественные тайны или небесный свет / Посылаемый Господином небес моему сердцу [3, с.225].

Одним из постулатов поэзии суфизма является вахдат аль-вуджуд (единство бытия), опирающегося на коранические откровения. Он подразумевает соединения всего существующего в Нем, потому что благодаря Богу все существует.

Великий азербайджанский поэт XIV века Имададдин Насими пишет: И ты и я, мы все – суть воплощение Бога, / Мы – солнечный восход и солнечный закат [1, с. 55]; Судьба с тобою нас разъединить не может, / В своих мечтах с тобой я всюду и всегда [1, с.110].

Быть «воплощением Бога» значить наследовать Его «образ» и «подобие». Здесь невольно напрашивается суждение известного русского философа С. Л. Франка: «Я, как личность, будучи одиноким в мире, не только не одинок в бытии – именно в измерении его глубины, его первосущества, – но являюсь в нем как бы воплощением этого его первосущества; то таинственное начало, в силу которого я есть личность, имеет для себя абсолютно прочную основу в самом священном Первоисточнике Бытия, ибо есть в мире Его выражение. Бытие человека не ограничено тем, что он есть природное существо; именно в качестве личности он есть существо сверхприродное, родственное Богу и имеющее основой своего бытия самого Бога» [4, с. 85]. В чем выражается эти ипостаси в суфийской поэзии. Если поэт уверен, что его жизнь и мечты составляют единение с Богом, то он должен стремиться к слиянию с Ним: Слияние с тобой – вот цель существованья. / И со своей стези не свернуть, приди [1, с. 145]; Я, Насими, с тобою слит, но ты – душа, я – тело. / Нет у меня иных забот: тебя я видеть жажду [2, с. 38]; Слиянье с богом – вот вино священной веры, / Я это пью вино на пиршестве хмельном. / Во мне живут миры, все восемнадцать тысяч, / И скрыт во мне аллах, который скрыт во всем. / Я – тайна всех чудес, скрытых в этом мире, / Я – солнце, что всегда горит над вами днем. / Перед вами Насими свою откроет тайну: / «Я счастлив: бог сокрыт в обличии моем!» [2, с. 113]. Всю душу мне сожгла дотла разлука наша. / Влечение к тебе – мой тяжкий путь, приди. / Слияние с тобой – вот цель существованья. / И со своей стези мне не свернуть, приди [2, с. 157]. Он сам – пешмине-пуш, и душа его грубовата, / Как шерстяная одежда – не чище своих одежд [2, с. 163].

О какой стезе говорит поэт и как можно встать на этот путь? Поэт признает за Богом Истину, но путь к ней мучительный, долгий и трудный: В чём истина? В любви. Влюбленный виночерпий, / Любовью опьянен и потому велик [2, с. 132]; За истиной я шел, была трудна дорога. / Искал я, шел и шел, земель увидел много, / Что вечным я считал, то оказалось не вечным. / Я истину нашел, я стал подобьем Бога [2, с. 263]; Вне истины никто не достигает цели – Ни грозный падишах, ни человек простой [2, с. 88]; И чтобы истину узреть, ее не сторонитесь, / Смотрите ввысь или вокруг влюбленными глазами [2, с. 36]; Я истину узрел, пройдя через страданья, / Я истину постиг и жажду с ней слияния ... / Я истину познал и понял: «Я есть бог» / И в этом убедясь, я не храню молчанья [2, с. 86]; Знай, человек: в любые времена / Лишь прозорливым истина видна. / Познал ты сам себя – стал прозорливым, / Сам не познал себя – твоя вина. / Кто истину постиг, тот стал кораллом, / Рубином стал, чья гладь огранена [2, с. 20]; Невежество – вино, но ты его не пей. / Ты истину познай, чтобы стать еще мудрей [2, с. 21].

Не вызывает сомнения, что для достижения Истины необходимо ее познать. Но познание не носит виртуальный характер, а включает в себе механизмы его: Чтобы мир познать, взгляни вокруг и ввысь, / Ты трезв – испей вина любви, влюбись. / И если ты увидишь хочешь Бога, / То, царь земной, от трона отрекись! [2, с. 296]; Тот, кто познал себя, тот господу познал. / Познание Бога – вот на свете путь конечный [2, с.59]; Ты истину познай, в ней смысл всего земного. / Все семь материков ее питают плод. / Суть истины во всем, что живо или мертво, / Во всем, что вянет здесь или еще цветет [2, с. 176]; Познание – бог, – рёк Мохаммед, – и тот, / Себя познавший, бога познает [2, с. 299].

Насими повторяет древнюю мудрость, видимо, принятую всеми учениями, гласящую, что без познания самого себя невозможно достичь познания Бога. Вместе с тем, указываются на источники, откуда следует черпать эти знания: окружающий мир и «ввысь» над головой; раскрывается средство – любовь – посредством чего можно связать себя с Всевышним. Для поэта, с одной стороны, любовь таинственна, с другой, познание тайны любви проявляется между самопознанием и познанием: Любовь есть тайна: как познает тайну эту / Тот, кто и сам себя откуда не познал? [1, с. 39]; Бог тайну мне раскрыл, я твой увидел лик, / И стал бесценен я – постиг я мирозданье [1, с. 30]; Любовь, когда она сильна и беспощадна, / Сравню я с судным днем, грядущим неотвратно. / Мне кажется, что был любовью создан мир, / Но и разрушен был любовью мир стократно [2, с. 30].

Но тайна требует еще более духовных усилий (постичь сущность Божества полностью не представляется возможным: оно лишь возможно при изменении сути существования, то есть перехода в потусторонний мир – после смерти), потому что познается только путь, ведущий к Истине.

Тем не менее любовь подобна опьянению от вина – это не потеря разума, а разумное растворение в Возлюбленной: Я постоянно пьян, но пьян не от вина. / Я пью вино любви и пью вино познания. / Я сладко опьянен видением тебя, / Когда приходишь ты на тайное свиданье [1, с. 29]; Кто от любви к тебе хмелен, тот пьян и без вина бывает, / Хмель истины вкушает он, а истина одна бывает! [1, с. 231]; Нет в мире красоты, твоей красе подобной, / В твоей красе аллах свой образ воплотил [2, с. 28].

В концептосферу любви входит и душа, которая, в свою очередь, создает собственную сферу концептов. Так, прежде чем любить Творца, необходимо очистить тело, а оно может быть очищено лишь в том случае, если в нем есть любящая душа: И тело от греха очистилось мое, / Моя душа одной тобою опьянилась [1, с. 111].

Душа человеческая есть вместилище Всевышнего. Именно в ней находится храм познания и молитвенный дом: Лишь наши души – божий дом, обители Аллаха, / Молись ему, своих молитв другим не поручая [2, с. 103]; Путь к собственной душе – вот самый чистый хадж. / Кто не совершил его – не знает очищения [1, с. 154].

Прежде всего душе нужно приобрести божественное качество, стать сутью вне времени и пространства: Кааба и кыбла, я – лик аллаха, / Молитва я, и вам ее нашептать. / Муса, Имран, Юсуф из Ханаана, / Я – все, о чем вам можно лишь мечтать [2, с. 24]; В меня вместятся оба мира, но в этот мир я не вмещусь: / Я суть, я не имею места – и в бытие я не вмещусь / Все то, что было, есть и будет, – все воплощается во мне, / Не спрашивай! Иди за мной. Я в объяснения не вмещусь [1, с. 31].

Для этого следует совершенствоваться: процесс, который является бесконечным: Извечен путь любви, путь к совершенству вечен [1, с. 126].

Проведение аналогии между извечностью пути любви и пути совершенства ставит на одну чашу весов не только сходство пути, но и равенство семантики понятий любовь и совершенство. Вместе с тем глаголы любить и совершенствоваться определяют деятельность, полную труда, страданий и мучений, приносящим суфию в отличие от обыденных, упрощенных ощущений величайшее удовольствие, наслаждение, в которых проявляется предназначение: Любовь к тебе – мучение мое / Для любящих всегда любовь – мученье. / И все же я оба мира

отдам / За боль свою, за это наважденье. / Я, Насими, одной тобой богат. / Любить тебя – мое предназначенье [1, с. 14]; Любовь, о Насими, безбрежна, словно море, / Где то всплываем вверх, то гибнем мы на дне [2, с. 47]; Любовь есть тайна; как познает тайну эту / Тот, кто и сам себя покуда не познал? [2, с. 53].

Таким образом, проведенный анализ на предмет изображения образа женщины в поэзии Насими выявляет коды тайного языка суфийской поэзии, где посредством аллегории в этом образе подразумевается Бог. Другими словами, поэт, исходя из земных человеческих чувств к Возлюбленной, познает бытие и совершенствуется. Конечной целью такого любовно-го стремления становится единение с Объектом – Истиной.

Библиографический список

1. Насими, И. Лирика / И. Насими. – М. : СПб: Диля, 2001. – 352 с.
2. Насими, И. Избранная лирика : в 2 т. / И. Насими. – Баку : Азернешр, 1973. – Т. 1. – 359 с.
3. Суфизм в контексте мусульманской культуры : сборник / отв. ред. Н. И. Пригарина. – М. : Наука, 1989. – 254 с.
4. Франк, С. Л. Свет во тьме / С. Л. Франк. – Челябинск : Социум, 2011. – 256 с.
5. Шиммель, А. Мир исламского мистицизма / А. Шиммель ; перевод с англ. Н. И. Пригариной, Д. С. Рапопорт. – М. : Алетея : Энигма, 1999. – 311 с.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЭЛЕКТИВНОГО КУРСА «ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА: ПРОСТО О СЛОЖНОМ»

А. В. Неделяева (Нижний Новгород, Россия)

Ежегодно в Россию приезжают получать высшее образование свыше 300 тысяч студентов-иностранцев. Как свидетельствуют данные исследовательского проекта Project Atlas по интернационализации высшего образования, по итогам 2022 года Россия занимает шестое место в мире по количеству иностранных студентов, что составляет 6 % от общего числа «мобильных студентов» [Майер А., 2023]. По данным сайта Мининского университета (2022 год), в НГПУ им. К.Минина (город Нижний Новгород) обучается свыше 340 иностранных студентов.

По нашему мнению, самой существенной проблемой адаптации студентов-иностранцев являются языковые барьеры, обусловленные плохим знанием русского языка. С языковыми барьерами тесно связаны образовательная, социально-культурная, психологическая стороны адаптации студентов в иноязычной среде. Языковые трудности могут быть связаны также с низкой самооценкой своих знаний иностранного языка, которые препятствуют осуществлению коммуникативных актов на этом языке.

Затруднения могут возникать и в связи со сложностями в произношении отдельных звуков на русском языке, фонетические эквиваленты которых отсутствуют в родном языке иностранных студентов.

Особые сложности появляются у студентов-иностранцев на первом курсе, когда они начинают обучаться в «смешанных» группах вместе с российскими студентами. У студентов возникают не только языковые барьеры, но и трудные психологические ситуации, связанные с процессами адаптации. Кроме того, учебный процесс осуществляется по дисциплинам, которые отсутствовали в школе. Так, по педагогическим направлениям студенты на первом курсе изучают дисциплину «Возрастная анатомия и физиология» и знакомятся с новыми понятиями.